

Тан Шоу оказался загнан в угол у дверей уборной, и, глядя, как свирепый мясник шаг за шагом приближается к нему, с трудом выговорил:

— Т-ты... что собираешься делать?..

Сюн Чжуаншань, зловещий и яростный, с налитыми кровью глазами, подошёл в два шага и с лёгкостью закинул Тан Шоу себе на плечо. Тот в ужасе закричал, забился, стараясь вырваться, но мясник без труда затащил его в дом и швырнул на расшатанную койку.

— Т-ты... чего хочешь?! — трясся Тан Шоу.

— Сбежать вздумал? — прорычал Сюн Чжуаншань, уставившись на него мрачным, жутким взглядом. Его крепкое, мускулистое тело будто бы излучало злобу, видимую почти невооружённым глазом.

— Я... я не хотел...

Но разъярённого мясника уже не волновали никакие слова — он потянулся и рванул с него штаны.

— Сбежать хочешь? Не выйдет. Запомни: живым ты мой человек, мёртвым — мой призрак. В этой жизни тебе суждено быть только моим фуланом!

Под натиском его мощного тела Тан Шоу не мог даже пошевелиться. Он был как беспомощный ученый перед диким зверем, не способный избежать участи быть «съеденным».

На самом же деле, Тан Шоу не принадлежал этому миру. Он — человек из будущего, попавший сюда после крушения самолёта...

Эпоха, в которую попал Тан Шоу, называлась Юй — династия, которой никогда не существовало в реальной истории. В культурном отношении она напоминала китайскую эпоху Сун — общее устройство было во многом схожим, с небольшими отличиями в деталях. Например, в династии Юй существовало три пола: мужчины, женщины и «шуаньэры».

Шуаньэр — особая категория: внешне — мужчины, но они способны к деторождению. Правда, процесс этот крайне затруднён: восемь из десяти не могут родить вовсе, а среди тех, кто может — более девяноста процентов всё равно рожают только таких же шуаньэров. Девочки практически не рождаются, а шанс родить мальчика — и вовсе меньше десяти процентов.

И вот Тан Шоу после переселения души очнулся как раз в теле шуаньэра. Хуже того — этот самый шуаньэр уже был замужем! Его буквально передёргивало от одной только мысли.

Если бы Тан Шоу оказался геем, может, и радовался бы. Потому что с виду Сюн Чжуаншань — буквально мечта любого маленького пассива: по оценке Тан Шоу, ростом не меньше восьми чи, сложен как гора, плечистый, мощный, покрыт рельефными мышцами — на ощупь не сдвинуть, не сжать — настоящий кусок живого железа. Да и в некоторых аспектах он, скажем так... был способен вогнать в депрессию любого другого мужчину.

Но была одна загвоздка: в юности Сюн Чжуаншань служил в армии, и, похоже, именно тогда у него и сформировался характер — жестокий, зловещий, пропитанный бойней и кровью. Он буквально источал мрачную, опасную ауру, и стоило ему разозлиться — он выглядел так, что сам дьявол под лавку бы спрятался.

А Тан Шоу, по его собственному убеждению, был стопроцентный натурал. Принять всё это ему было, мягко говоря, трудно. Но что поделаешь, если судьба так подшутила — вселила его в уже «занятого» шуаньэра.

Он и подумать не смел пойти к этому мрачному мяснику и сказать: «Прости, но я не твой супруг, я из будущего, давай разведёмся». Он мог поклясться: если он осмелится сказать такое, этот человек, насквозь пропитанный кровью, прирежет его, как барана, и ещё разберёт по косточкам — дескать, откуда взялся такой странный дух, что вселился в его фулана. И даже если бы вселился не обычный, а злой дух — тот, что творит беды и держится на чистом железном упрямстве — даже такой, попав под взгляд Сюн Чжуаншаня, вынужден был бы прикинуться геем и подчиниться, лишь бы не рассеяться в прах. Что уж говорить о Тан Шоу — всего лишь маленьком, тихом призраке. Так что он решил не бузить, а вести себя тихо, покорно, играть роль фулана — как ни крути, жизнь важнее. А сам в душе прикидывал: пока прикинусь паинькой, потихоньку освоюсь в эпохе Юй, разузнаю, как тут всё устроено, скоплю денег — и сбегу втихаря.

План у него был что надо — хитрый, расчётливый. Вот только беда в том, что прежний обитатель этого тела думал точно так же.

Оказывается, тот тоже не по великой любви вышел замуж за Сюн Чжуаншана — а из-за того, что тот был зажиточный. Имел дом, землю, держал скот, сам был мясником да к тому же охотником — в доме не переводилось мясо, а по меркам простой крестьянской семьи в династии Юй это была чуть ли не роскошь. Особенно в деревне Синхуачунь, куда переселился Тан Шоу, — настоящая дыра, одна из беднейших в округе. На фоне остальных Сюн Чжуаншань выглядел просто как помещик. И прежний хозяин тела, увидев такую партию, тут же согласился на брак.

После свадьбы его жизнь и впрямь стала куда лучше: не приходилось, как в родительском доме, думать, что поесть завтра, — появилась стабильность, достаток, и первое время он был вполне доволен. Но у некоторых людей, стоит им немного пожить в тепле и сытости, как тут же появляется жажда «высоких материй».

Сюн Чжуаншань, конечно, был крепким хозяином, умел вести хозяйство, но характер у него — одно слово: зверь. Даже с собственным фуланом они почти не разговаривали. Стоило тому начать ворчать или жаловаться на какие-то пустяки, как мясник начинал хмуриться. Он,

может, и не поднимал руки, но достаточно было взгляда — хмурого, тёмного, холодного, как у волка, — и по спине пробежал мороз. Когда он злился, от него будто шло настоящее, осязаемое жуткое давление — прежнего Тан Шоу этим с места вмиг сдувало.

Так со временем тот стал думать, что Сюн Чжуаншань вовсе не муж, а исчадие ада. Ни ласки, ни нежности, ни радости от жизни — только мясо да мрачная тень. И именно в это время в деревне появился господин — торговец, которого беда занесла в Синхуачунь. По случайности он остался жить у одной из местных семей. Тот молодой господин был родом из богатых, благополучных мест, да ещё и с образованием, манеры — вежливые, обходительные, речь — мягкая, учтивая. Особенно когда говорил с барышнями или шуаньэрами — его глаза, словно цветущие персиковые лепестки, и до слов уже улыбались: в них плескалась и весенняя влага, и осенняя глубина, и томная недосказанность встреч под луной, среди ивовых ветвей. Стоило лишь раз взглянуть — и душа прежнего хозяина тела была тут же пленена. А тот господин, уж конечно, знал, как говорить красиво — сладкие речи с лёгкостью запутали сердце, и прежний Тан Шоу окончательно и бесповоротно влюбился.

Этот молодой господин оказался в беде, оказался в Синхуачуне без гроша в кармане, а поскольку деревня бедная, ни у кого занять не получалось — вот и положил глаз на Тан Шоу. Всё потому, что семья Сюн Чжуаншаня была самой зажиточной в округе, а сам Тан Шоу — самым доверчивым.

Когда увидел, что момент подходящий, он мягко сказал, мол, хочет увезти Тан Шоу отсюда, начать новую жизнь — да вот только нет ни монеты. Прежний Тан Шоу, услышав про «нет денег», даже не задумался: у Сюн Чжуаншаня ведь есть. Вернулся домой, украл у него серебро, собрал вещи и в тот день, когда Сюн Чжуаншань уехал в город на бойню, сбежал с тем молодым господином.

Он-то думал, что наконец-то выбрался из ада и попал в сказку, даже представить не мог, что такой господин никогда бы не посмотрел на простого деревенского шуаньэра, да ещё и бывшего замужем. Он просто использовал Тан Шоу. Как только выманил из него всё серебро, что тот принёс, ночью же сбежал, не оставив ни следа.

Прежний Тан Шоу проснулся в дешёвой гостинице в чужом городе — один, без денег. Его чуть удар не хватил.

Но тут сказала настоящая сила Сюн Чжуаншаня. Будучи солдатом, он владел искусством разведки. Увидел, что Тан Шоу исчез, проследил путь и уже той же ночью пустился в погоню. Когда он его нашёл, тот всё ещё тосковал по тому проходимцу и, увидев Сюн Чжуаншаня, умолял его не мешать, не уводить, настаивал, чтобы отпустил. А тот господин, воспользовавшись этим, успел скрыться без следа.

После того как его вернули домой, Сюн Чжуаншань сразу заявил, что намерен расторгнуть брак. Но прежний Тан Шоу вдруг раскаялся и не захотел развода — с его положением, кто ж потом ещё захочет взять его в фуланы? Он начал плакать, умолять, ползал на коленях, каялся, просил дать ещё один шанс. Но мясник был непреклонен. Тогда Тан Шоу пал духом, сильно приуныл, и от переживаний слёг. Болезнь оказалась тяжёлой — именно она и сгубила

прежнего обитателя тела, после чего душа Тан Шоу из будущего и вселилась в это тело.

Правда, всех этих подробностей Тан Шоу поначалу не помнил — воспоминаний прежнего владельца тела не осталось вовсе. Всё, что он узнал, пришло позже, когда он уже оправился от болезни: обрывки слухов, разговоры деревенских баб, из которых он постепенно собрал целую картину.

На момент его вселения тело было измотано, ослаблено до предела — он выхаживал его долго. Только когда стало полегче, он заметил, что Сюн Чжуаншаня словно подменили: теперь ни слова о разводе, будто и не собирался никогда. И не просто не упоминал — начал за ним следить, смотреть на него по-другому.

Тан Шоу это казалось подозрительным. Учитывая, как он успел изучить характер мясника за последнее время, после такого предательства любой другой на его месте давно бы уже прибил — максимум, не развёлся, а зарезал. Но Сюн Чжуаншань — молчит. Терпит.

Зато с тех пор стоило Тан Шоу зайти в уборную или просто пройтись по деревне — как тот сразу принимал это за попытку побега. И если ловил его — уж точно не церемонился. Как только поймают, не разбираясь — тут же стаскивал с него штаны и... «наказывал».

Причём «наказание» это было далеко не побоями. Нет, по его ягодицам шлёпала вовсе не рука, а совсем иная часть мужского тела, и шлёпала так, что звук разносился по всему дому — целую ночь.

И правда, с самого заката и до самого рассвета — Тан Шоу испытал на себе, что значит жизнь хуже смерти. Его так вымотали, что потом он целую неделю не мог подняться с постели.

А главное — обида кипела в нём через край. Всё это сотворил прежний хозяин тела, а отдуваться теперь ему! Он ведь только-только сюда попал — незнакомое место, ни одной родной души, денег ни гроша, ни языка местного не знает, ни обычаев. Куда ему бежать-то? В такую пору даже коренной местный выживает с трудом, а он — чужак, нищий, в одиночку? Да это же самоубийство.

Тан Шоу хоть и был натуралом, но натуралом гибким — умел по обстановке принимать решения. Чтобы успокоить Сюн Чжуаншаня, заслужить его доверие, как можно скорее получить доступ к хозяйству и деньгам, а потом — при удобном случае — сбежать, он, скрепя сердце, пожертвовал своим многострадальным задом.

Но уж точно не собирался, как прежний, красть у него серебро и сбежать с каким-то проходимцем. Нет, он решил всё сделать по уму: подзаработать сам, накопить на дорогу, а часть денег оставить Сюн Чжуаншаню в качестве компенсации за всё... телесное.

И вот, совсем недавно, он по нужде пошёл в уборную — так торопился, что забыл предупредить. А для Сюн Чжуаншаня это тут же стало попыткой бегства. И снова — поймал,

стащил штаны, и... наказал.

Неизвестно, сколько длилось это «наказание», но в какой-то момент Тан Шоу потерял сознание. А когда очнулся, тело ныло от головы до пят — будто его сперва переехал грузовик, а потом из обломков собрали заново.

Хотя, по правде говоря, если не считать этой... навязчивой практики доминирования, то в остальном Сюн Чжуаншань обращался с ним вполне неплохо.

Задумавшись, Тан Шоу услышал, как в животе заурчало. Делать нечего — стиснув зубы, через боль, он кое-как поднялся с кровати и поплёлся готовить завтрак.

Очнувшись, Тан Шоу первым делом понял: Сюн Чжуаншаня дома нет. Будь он рядом — не дал бы спокойно валяться, обязательно прижал бы к себе, к своей каменной груди, от которой не отодраться. Ни о каком покое и речи не шло бы.

Под очагом он нашёл остатки свадебного пира — тот самый, к которому так и не притронулся несколько дней назад. Взял наугад один таз, заглянул — и сразу весь аппетит как ветром сдуло.

В династии Юй к приготовлению еды подходили просто: чаще всего варили, запекали на углях или тушили. Никаких тебе жарки во фритюре, обжарки, пассеровки и прочих изысков. А уж в деревне — и вовсе всё по-простому: бедность, скупость, да и вкусовые притязания у местных не развиты — мясо на столе уже считается лакомством, кто будет думать о том, как оно выглядит, пахнет или сочетается?

А Тан Шоу в вопросах еды был, мягко говоря, привереда. Прямо до смешного: вот, скажем, кисло-острый картофель — если порезано слишком тонко, не ест; если слишком толсто — тоже нет, будто бы толщина ломтиков отменяет саму суть блюда.

Помнится, как ещё в начальной школе к ним в дом заглянула его тётка по матери. Увидела, как та балует Тан Шоу, и начала ругать: мол, избаловали мальчика, дайте ему пару раз поголодать — и всё станет как шёлковый. Мать у него была человек мягкий, нерешительный — стоило кому сказать, сразу слушалась. Вот и тогда послушалась тётку, стала готовить спустя рукава: даже любимые блюда Тан Шоу готовила кое-как, на скорую руку. Тётка при этом торжествовала:

— Вот увидишь, — говорила она матери, — ещё пару дней, и твой сын будет есть, что дадут.

Мать кивала, соглашалась, думая, что всё правильно.

Но уже тем же днём, во второй половине дня, пока была на работе, она получила звонок. Звонил классный руководитель: сообщил, что Тан Шоу прямо на уроке вдруг упал в обморок.

Сейчас, мол, он уже в машине скорой помощи, по дороге в больницу.

В тот момент мать Тан Шоу будто окаменела. Она сразу бросилась в больницу, прибежала в панике, и только тогда, услышав врача, немного пришла в себя. Тот сказал, что жизни ребёнка ничего не угрожает, но причиной обморока стал сильнейший гипогликемический приступ — проще говоря, понижение сахара в крови из-за голода. Он спросил, как ребёнок питался в последние дни, не начал ли он, к примеру, голодать из-за желания похудеть.

Мать, услышав это, едва не разрыдалась прямо на месте. Какое там похудение! Это всё она — слушалась сестру, специально стала готовить плохо и перестала давать сыну карманные деньги, чтобы «проучить». А он в эти дни просто голодал, пил воду — и в итоге упал без чувств.

Узнав об этом, тётка Тан Шоу испугалась не на шутку, сунула немного денег — и поспешно исчезла. С тех пор в дом заходила редко. Может, именно из-за этой истории Тан Шоу, став взрослым, так и не смог к ней по-настоящему привязаться.

Позже, в средней школе, к восьмому классу, он начал осознавать, что сам по себе весьма привередлив в еде, и решил больше не зависеть ни от кого. С тех пор сам себе готовил, и вплоть до того самого случая с самолётом мать ему больше ни разу не варила даже кашу.

Вот почему у Тан Шоу оказалась такая крепкая кулинарная рука — и почему он так не любил компромиссы за столом. А глядя сейчас на эти безнадёжно испорченные блюда, он понимал: есть это невозможно. Пришлось готовить заново.

Порывшись в кладовке, он нашёл лишь немного проса и пшеницы. Здесь, в династии Юй, пшеницу ели варёной — просто кидали в воду и варили, не перемалывая. Вкус, конечно, уступал просу, но местных это не заботило: главное — насытиться. Поэтому почти в каждой семье держали просто зерно, а если хотелось муки — шли в деревню и пользовались общей каменной мельницей. Вот так — даже муки дома не было.

Тан Шоу распахнул дверь и вышел во двор — и сразу ощутил, что семья Сюн Чжуаншаня действительно не бедствует. Нет, не сказать, чтобы тут было роскошно, но достаточно того, что помимо кур, уток и гусей во дворе ещё и десятки овец паслись, да несколько свиней в загоне. По меркам деревни — это уже считалось по-настоящему зажиточным домом.

Он обыскал все гнёзда, но так и не нашёл ни одного яйца. Присмотрелся внимательнее — в хозяйстве-то почти все куры оказались петухами, а те несколько курочек, что были, ещё слишком молоды, чтобы нестись. И тут он вспомнил: в первое время, когда его только купили, Сюн Чжуаншань будто бы где-то вычитал, что старая курятина особенно питательна, и каждый день забивал по курице, чтобы кормить Тан Шоу. Кажется, это продолжалось с полмесяца. Тогда он подумал, мол, семья и вправду богатая, раз так себя не жалеет. А теперь стало ясно: скорее всего, весь тот запас старых несущек давно пошёл в суп — ради него.

Делать нечего. Тан Шоу набрал немного остатков еды, отправился к соседям — выменять яйца да, если повезёт, немного уже перемолотой муки.

Он дошёл до одного из дворов, постучал пару раз в дверь, дважды громко окликнул — и только тогда изнутри лениво вышла хозяйка. Это была жена Чжан-далана, по фамилии Ли, в семье вторая по старшинству. Он её запомнил — она приходила на свадебный пир, устроенный в день его бракосочетания.

Да, свадебный пир... Раньше, до того как он сюда попал, никакого торжества у Сюн Чжуаншаня с прежним Тан Шоу не было — брак их был скорее случайностью. А уже после того, как Тан Шоу сюда переселился, Сюн Чжуаншань будто с чего-то воспылал желанием — и решил всё-таки устроить пышную свадьбу.

Прежний обитатель этого тела был не из деревни Синхуачунь, и откуда он вообще родом — никто не знал, сам он тоже никогда не говорил. Ходили слухи, что его родители продали его жэнь-яцзы — скупщику живого товара, который гнал партию людей мимо деревни, и вот тогда прежний Тан Шоу сбежал. Паника, страх — он бросился в реку, хотя сам плавать не умел. Совпало так, что именно в тот момент в реке купался Сюн Чжуаншань — и вытащил его.

Одежда на Тан Шоу и до того была в лохмотьях, а бурное течение окончательно разодрало всё, обнажив тело. Так что когда Сюн Чжуаншань его вытаскивал — невольно облапал с головы до ног. С тех пор по негласным правилам это уже считалось близостью, пусть и невольной. И вот именно с этого момента Сюн Чжуаншань как бы «привязался» к нему — пошёл, выкупил у жэнь-яцзы, привёл домой и женился.

Сюн Чжуаншань даже нашёл гадалку, чтобы выбрать день для свадьбы, но та сказала, что ближайший подходящий день будет только через полгода. Тогда он решил пока только обручиться. Однако прежний Тан Шоу боялся, что тот передумает, и сразу пошёл в ямынь — оформил документы, записался официально как супруг Сюн Чжуаншаня. С тех пор и спали они, как супруги. Свадебного пира тогда не было — на него Сюн Чжуаншань решился только после того, как в теле оказался уже Тан Шоу из будущего.

Теперь же Тан Шоу стоял перед хозяйкой, Ли Эр-нян, и вежливо сказал:

— Не знаю, остались ли у вас в доме куриные яйца и мука. Я хотел бы обменять их на эти две тарелки мясного.

Ли Эр-нян бросила взгляд вниз — и удивилась: перед ней стояли две увесистые тарелки с мясом. А мясо в деревне — это целое состояние. Чтобы приготовить столько, нужно не меньше цзиня мяса. А сейчас-то какие цены? За один шэн риса дают всего десять вэнь, пшеницы — восемь. А вот мясо: баранина — сто сорок вэнь за цзинь, даже говядина стоит сорок пять, а свинина — хоть и не в моде в династии Юй — и та тянет на тридцать.

Так что кто ж тут в деревне станет разменивать мясо на зерно или яйца?

Ли Эр-нян не ответила сразу, а вместо этого спросила:

— Ты ведь тот самый молодой фулан из дома мясника Сюна?

Тан Шоу вежливо сложил руки в поклоне и сказал:

— Верно, это я.

На этот раз Ли Эр-нян покачала головой:

— Ты лучше забирай это обратно. Сейчас разница между ценой на мясо и зерно слишком велика — кто ж согласится менять мясо на муку? Да и семья мясника Сюна, поди, не бедствует настолько, чтобы из-за горсти муки торговаться. Возьми зерно, сходи на общую мельницу и сам смели. А яйца... Ну не беда, я тебе дам парочку, потом пусть твой муж, Сюн-далан, занесёт обратно.

Но Тан Шоу настаивал:

— Мы на днях справляли свадебный банкет, мясных блюд осталось много, нам и половины не съесть. Вы уж меняйте, как сочтёте по рыночной цене, не нужно даром. Я в доме не пустое место, сам могу такие решения принимать.

Ли Эр-нян не хотела соглашаться. Видно было — сделка откровенно невыгодная для семьи Сюн Чжуаншаня. С кем-то другим она бы даже разговор не стала вести. Но с мясником Сюном — совсем другое дело. Он не такой, как остальные. Бывший солдат, на фронте людей резал — это не сказки. Взгляд у него — тяжёлый, жестокий, будто сквозь душу прожигает. В округе таких боятся, связываться никто не хочет.

Но всё же... Эти две тарелки мясного, что лежали в корзине у Тан Шоу, были настоящим искушением. У них в доме — ни стар, ни млад — с наступления зимы мяса во рту не держали. Все с ума сходят по запаху, мечтают хоть раз вкусить чего-то жирного. Подумав, Ли Эр-нян всё-таки решила — стиснув зубы, взяла угощение.

Да подумаешь, — решила она, — положу побольше в обмен, не настолько же он неразумный, чтобы прийти и за это с кулаками лезть.

<http://bllate.org/book/13592/1205334>